
ЗАПРЕТ НА ПРИЗЫВЫ К РЕЛИГИОЗНОЙ, РАСОВОЙ НЕНАВИСТИ ИЛИ НАСИЛИЮ КАК ОГРАНИЧЕНИЕ СВОБОДЫ СЛОВА В ИНТЕРЕСАХ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВОПОРЯДКА В ПРАВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

Наталья Перова*

Призывы к религиозной и расовой ненависти или насилию могут привести к беспорядкам в обществе и поэтому должны законодательно регламентироваться. Однако не стоит забывать об интересах защиты свободы слова, обеспечивающей свободное выражение и распространение взглядов и мнений в обществе. Настоящая статья исследует проблему ограничения права на свободу слова в связи с распространением идей, разжигающих ненависть или провоцирующих насилие, на примере правового регулирования враждебной речи в Великобритании и США. В статье анализируется практика деятельности судов США относительно ограничения враждебной речи, которая вызывает насилие и беспорядок, а также которая является оскорбительной по отношению к отдельному человеку.

В последние пятьдесят лет устные и письменные нападки на расовые, религиозные и другие меньшинства часто подвергались большим ограничениям. Политика государств становится направленной на пресечение радикализма и экстремизма, на поддержание толерантности в обществе даже порой в ущерб интересам защиты свободы слова. Такую тенденцию можно объяснить: каждое государство стремится поддерживать общественный порядок на своей территории.

Комитет министров Совета Европы принял Рекомендацию № R (97) 20 по вопросам разжигания ненависти. При этом под разжиганием ненависти понимается покрывающие все формы самовыражения, которые включают распространение, провоцирование, стимулирование или оправдание ра-

совой ненависти, ксенофобии, антисемитизма или других видов ненависти на основе нетерпимости, включая нетерпимость в виде агрессивного национализма или этноцентризма, дискриминации и враждебности в отношении меньшинств, мигрантов и лиц с эмигрантскими корнями¹.

Немногие сомневаются в том, что разжигающая ненависть, или враждебная, речь (hate speech), даже крайне расистской направленности, поднимает проблему защиты права на свободу слова и поэтому при ее регулировании должны применяться правовые положения о свободе слова². Более того, так как запрет на произнесение или публикацию такого типа речи является ограничением свободы слова, необходимо понять, могут ли такого рода ограничения быть оправданными, учитывая обязательства

---

* Перова Наталья Александровна, соискатель кафедры конституционного права МГИМО(У) МИД России

государств по обеспечению и защите свободы слова.

Существуют различные аргументы в поддержку ограничений враждебной речи. Наиболее важный из них состоит в том, что такие ограничения будут учитывать государственный интерес в защите от нанесения психологической травмы группе лиц, ставших мишенью словесных нападок³. Группы людей должны быть защищены от использования слов, которые умаляют их человеческое достоинство; в то же время законы должны быть составлены таким образом, чтобы ограничивалось использование только таких слов, которые на самом деле ранят достоинство группы, которой они адресованы⁴.

1. Нормы британского законодательства, регулирующие произнесение или публикацию слов, призывающих к расовой ненависти или насилию

В Великобритании законы о групповой клевете и запрете подстрекательства к расовой ненависти запрещают враждебную речь, даже если нет указания на то, что она обязательно приведет к немедленному насилию и беспорядкам.

Если обратиться к предыстории законодательства, регулирующего враждебную речь, то в его основе лежит Акт о расовых отношениях 1965 года, часть 6 которого признавала незаконной публикацию написанного материала или произнесение речи на публике, которая носила запугивающий, ругательный или оскорбительный характер и могла вызвать расовую ненависть, при этом учитывался умысел ответчика. Предыдущий акт, регламентировавший ответственность за этот состав преступления – Акт об общественном порядке 1936 года – предусматривал еще одно дополнительное условие: такая речь должна была приводить к нарушению общественного порядка. В Акте о расовых отношениях 1965 года данное условие законодателем не оговаривалось, что не могло не отразиться негативным образом на свободе слова. Вследствие жесткой критики этого Акта он позднее был заменен новым Актом о расовых отношениях 1976 года, который, в свою очередь, также претерпел изменения в части именно этих положений. Запрет к подстрекательству к расовой ненависти впоследствии был

включен в Акт об общественном порядке 1986 года.

Акт об общественном порядке 1986 года включил в себя несколько правонарушений, так или иначе относящихся к ограничению свободы слова и регулирующих различные типы враждебной речи: это призывы к расовой ненависти, использование слов, вызывающих страх и провоцирующих насилие, а также слов, вызывающих беспокойство, тревогу и страдания. Недавно в него были включены также положения, запрещающие речь, которая может спровоцировать религиозную ненависть.

Стоит также отметить, что понятие расовой ненависти относится только к разжиганию ненависти по отношению к группам, определяемым по цвету, расе, национальности, этническому или национальному происхождению⁵. В таком виде это положение не относится к религиозным группам, а также группам, определяемым на основе пола или сексуальной ориентации. Что касается первых, то законодатель уже предусмотрел их защиту путем внесения изменений в тот же Акт и изменяя обычное право, ограничивающее богохульство (см. ниже).

Исходя из определения враждебной речи, направленной на разжигание расовой ненависти, Акт об общественном порядке запрещает использование таких слов, поведения, демонстрации написанных материалов (например, плакатов), публикацию и распространение материалов, демонстрацию постановок, записей и т.п., и даже владение такими материалами (с целью их дальнейшего распространения или публикации), которые являются запугивающими, бранными или оскорбительными или содержат подобного рода слова.

Одним из условий признания таких правонарушений является запугивающий, бранный или оскорбительный характер языка сообщения, что исключает сообщения, которые могут нанести очень большой вред по своему смыслу, но не содержат оскорбительных выражений по своей форме⁶. При этом выражения, которые просто вызывают раздражение или причиняют боль другим, не наносят той степени вреда, которая требуется для признания речи противоправной⁷, если только не существует опасности возникновения немедленного

нарушения правопорядка с учетом особенностей аудитории, которой эта речь адресована⁸.

По сравнению с предыдущими положениями, которые содержались в Акте о расовых отношениях 1975 года, в Акте об общественном порядке такого рода правонарушение стало проще доказать. Теперь достаточно, чтобы слова или поведение могли объективно спровоцировать разжигание ненависти по признаку расы⁹, и не обязательно при этом доказывать наличие умысла. Таким образом, Акт 1986 года можно понимать, как еще более ограничивающий свободу слова, так как он снижает порог субъективной стороны преступления, больше не требуя доказательств умысла. Профессор Барендт в этой связи считает, что британское право правильно применяет ограничения к враждебной речи именно в тех случаях, где ясно, что распространение такого рода выражений может нанести, возможно, даже косвенно, существенный психологический вред, и где риск для свободы политической речи минимален; было бы неправильным расширять это ограничение в отсутствие веских доказательств того, что необходим более широкий запрет¹⁰.

Однако нельзя сказать, что положения Акта 1986 года, закрепляющие такого рода ограничения, каким-либо образом учитывают интересы свободы слова. Правонарушения о подстрекательстве к разжиганию расовой ненависти так же, как и остальные правовые положения о нарушении общественного порядка, не предусматривают никакой защиты, которая бы отдавала предпочтение заслугам той или иной публикации, ее ценности и интересам свободы слова¹¹.

В Акте об общественном порядке 1986 года также содержится ряд статей, ограничивающих свободу слова. Статья 4 признает незаконным использование против другого человека запугивающих, бранных или оскорбительных слов или поведения с намерением вызвать в этом человеке страх незамедлительного применения незаконной силы против него или других лиц, или с намерением спровоцировать такое применение силы или возможность ее провоцирования¹². Такой подход, в принципе, соответствует правоприменительной практике судов США¹³. Однако положения британского акта идут дальше, признавая в ста-

тье 5 правонарушением использование запугивающих, бранных или оскорбительных слов или поведения в пределах видимости или слышимости человека, который может быть такими словами запуган, встревожен или обеспокоен¹⁴. При этом наличие у обвиняемого прямого умысла в причинении такого результата является необязательным – достаточно, чтобы он осознавал, что слова могут быть запугивающими, бранными или оскорбительными и что они могут вызвать беспорядок¹⁵. Как видно, речь идет о предполагаемом, а не о реальном вреде. Более того, исключение прямого умысла из состава правонарушения, может негативно сказаться на свободе слова и оказать так называемый сдерживающий эффект (“chilling effect”) на тех, кто будет бояться экспрессивно выражать свои идеи только по причине того, что для кого-то они могут показаться оскорбительными.

Данное положение Акта об общественном порядке было применено в известном деле *Hammond v. DPP*¹⁶. В нем престарелый священник был обвинен в нарушении статьи 5 Акта об общественном порядке 1986 года вследствие того, что он держал плакат с надписями, что гомосексуализм является аморальным явлением. Он был подвергнут нападениям со стороны толпы и именно он, а не нападавшие, был арестован и предстал перед судом. Суд признал, что его поведение выходило за пределы законного протеста, потому что он держал «оскорбительный» плакат, который спровоцировал тревогу и беспокойство. Это дело показало, что в отличие от неприятных, шокирующих и возмущающих идей, оскорбительные идеи могут быть легко запрещены, потому что они нарушают права других лиц¹⁷.

Профессор Уейнштейн считает, что основной недостаток этого решения заключается в его неспособности придать праву на свободу слова, в данном случае выступающему как индивидуальное право, больший вес, чем общественному интересу в защите правопорядка¹⁸. Поэтому индивидуальное право на выражение мнения по общественно-значимой теме может быть перевешено общественным интересом защиты определенной группы от оскорбления и поддержания толерантности ко всем сегментам общества¹⁹. В этом смысле право Великобри-

тании резко контрастирует с правом США, в котором отдается большее предпочтение индивидуальным правам человека, нежели правам общества в целом, т.е. именно оскорбление личности, а не общества будет караться, в то время как в Великобритании интересы общества скорее перевесят интересы личности.

Британское законодательство о терроризме также содержит ряд норм, предусматривающих ограничение свободы слова в некоторых случаях. В 2006 году в Великобритании был принят новый Акт о терроризме. Этот акт ввел новый состав преступления – подстрекательство к терроризму. Сообщения, которые *могут* быть поняты как прямое или косвенное одобрение или другое побуждение к совершению террористических актов, рассматриваются как подстрекательство к терроризму. Акт определил, что понимается под «публикацией о терроризме: во-первых, публикации, которые могут быть поняты как прямое или косвенное поощрение участия в террористических актах, и, во-вторых, такие публикации, которые могут способствовать совершению или подготовке терактов»²⁰.

Однако такой подход к определению «публикаций о терроризме» является спорным: он закрепляет, что среди сообщений, которые могут быть поняты как поощрение актов терроризма, есть те, которые восхваляют такие акты, в том случае, если члены общества могут логически заключить, что они должны следовать этому примеру²¹. Правонарушение будет совершено тогда, когда человек, публикующий сообщение, имеет намерение подстрекать прямо или косвенно общественность к совершению терактов или не предвидит, что его поведение может способствовать совершению преступления другими лицами. Еще на стадии принятия проекта закона это положение вызвало споры из-за его расплывчатой формулировки, ведь это преступление даже не требует доказательства наличия субъективной неосторожности, поэтому лицо может быть признано виновным, даже если оно никогда не подозревало, что читатели его памфлета могут быть вдохновлены на совершение террористических актов.

Профессор Барендт считает, что расширение и применение норм уголовного права к сообщениям, которые поощряют терроризм, влечет опасные

последствия для свободы слова, потому что это позволит государству преследовать в уголовном порядке людей за экстремистскую политическую речь, которая государству просто не нравится, в то же время оно может не вмешиваться в дела при других обстоятельствах, когда ему больше нравятся другого рода сообщения²². Еще один повод для беспокойства вызывает тот факт, что Акт о терроризме может оказать сдерживающий эффект на свободу политической речи, которая, как признает правительство, не подпадает под действие нового закона²³.

2. Правоприменительная практика судов США, касающаяся враждебной речи

В США основной принцип регулирования враждебной речи состоит в том, что законы, запрещающие ее, должны быть признаны противоречащими Первой Поправке к Конституции. Расовая или враждебная речь, направленная против какой-либо группы людей, в США считается формой политической речи, и ее запрещение может иметь тот же эффект, что и ограничение любого типа сообщений, которые государству просто не нравятся²⁴. В этом смысле профессор Хейман считает, что американские суды придерживаются следующей позиции: публичная враждебная речь должна быть защищена, потому что не существует возможности отделить ее от других форм политической речи²⁵.

В защиту враждебной речи также выступает и профессор Вейнштейн, который полагает, что расистская речь должна быть допустима, иначе будет невозможно противостоять тенденции к запрещению других типов речи, вызывающих меньше возражения²⁶. Поэтому каким бы неприятным и оскорбительным не было содержание расистской речи, она все равно относится к форме политической речи или публичному обсуждению.

Вне определенного контекста (как например, в школах, университетах, на рабочем месте) запрещение враждебной речи на том основании, что она наносит вред группам людей, не может соответствовать требованиям Конституции и другим ценностям²⁷. Как высказался в этом смысле Верховный суд США, если и существует краеугольный камень Пер-

вой Поправки, то состоит он в том, что государство не может запрещать выражение какой-либо идеи только потому, что общество или даже определенный сегмент или группа общества считает эту идею оскорбительной и неприятной²⁸.

По мнению профессора Уэйнстэйна, любая попытка навязать культурные нормы публичному обсуждению, исключая выражение агрессивных или оскорбительных идей, является как теоретически, так и практически несоответствующей основному праву на свободу слова каждого человека при участии в формировании общественного мнения²⁹. Поэтому американская доктрина свободы слова обычно запрещает государству налагать даже минимальные культурные ограничения на общественный диалог³⁰.

Враждебная речь практически не подвергается ограничениям в США. Лишь в двух случаях государство имеет право налагать ограничения на враждебные слова: если они являются прямым оскорблением человека в лицо и могут спровоцировать его возмездие, вследствие чего станут причиной нарушения общественного порядка³¹, либо они могут вызвать неминуемое незаконное действие, при этом должно быть доказано наличие прямого умысла у ответчика.

Данный подход подтверждает дело *Brandenburg v. Ohio*, в котором Верховный суд предоставил свободе слова даже большую защиту, посчитав что принципы свободы слова не позволяют государству запрещать даже пропаганду насилия или нарушения закона, за исключением тех случаев, когда такая пропаганда направлена на подстрекательство к неминуемому совершению незаконного акта и реально в состоянии побудить к совершению такого акта³². И только в этом случае такая враждебная речь будет запрещена.

Любопытным примером отношения Верховного суда США к враждебной речи может служить дело *R. A. C. v. City of St. Paul*³³, в котором ответчик сжег крест на заднем дворе одной афроамериканской семьи. Верховный суд признал неконституционным постановление городского собрания о том, что будет считаться правонарушением установление на общественной или частной собственности объекта, который может

вызвать «злость или тревогу» по признаку расы, цвета, веры, религии или пола. Профессор Барендт назвал такое решение большинства «наивысшей степенью полного недоверия по отношению к государству в его попытках по-разному относиться к различным типам самовыражения»³⁴.

Однако в одном из недавних дел суд признал конституционным закон штата Вирджиния, который признавал правонарушением сжигание креста на общественной или частной собственности при наличии умысла запугать человека или группу лиц³⁵. Отличие этого дела от описанного выше состоит в том, что ограничения, наложенные государством, сосредоточились не на содержании или теме сообщения, а на умысле ответчика.

Разжигание ненависти, направленной на определенную группу лиц или общество в целом, скорее всего, будет защищаться правом на свободу слова в США, так как не будет считаться оскорблением какого-либо отдельного человека. Так, суд США в еще одном известном деле *Cohen v. California*³⁶, учтя все обстоятельства дела (ответчик носил футболку с оскорбительным выражением о военном билете), посчитал, что такие действия ответчика не были оскорблением, направленным против определенного человека. В деле не было доказательств того, что ответчик намеревался вызвать беспорядок или что возникновение насилия вообще было возможно, а туманное предположение о том, что некоторые люди могли яростно на это отреагировать, не было воспринято в качестве аргумента судом, как и довод о том, что государство имеет законный интерес в регулировании языка, используемого на публике.

Еще одна форма самовыражения, которая может показаться оскорбительной – это сжигание государственного флага. Осуждение за сжигание флага было признано незаконным Верховным судом США, потому что оно карало не только за действия против флага, но и за слова, произнесенные заодно³⁷. Также в деле *Texas v. Johnson*³⁸ суд с небольшим перевесом голосов постановил, что осуждение за надругательство над флагом (его сжигание во время протеста) противоречит Первой Поправке, потому что такое действие считается экспрессивным поведе-

нием и защищается Конституцией. Суд затем подтвердил, что интерес государства в защите флага не может оправдать нарушение прав по Первой Поправке.

Таким образом, из всех типов враждебной речи, пожалуй, только прямое оскорбление непосредственно в лицо члену группы с использованием провокационных и оскорбительных эпитетов может не попасть под защиту Первой Поправки³⁹. Для этого Верховный суд создал и впоследствии видоизменил доктрину «воинственных слов» (“fighting words”). Так, в деле *Chaplinsky v. New Hampshire*⁴⁰ суд единогласно признал конституционным закон, который с целью предотвращения нарушения правопорядка запрещал произнесение речи на публике, которая содержит оскорбления или насмешки в адрес другого человека. Также поведение, которое имеет целью внушить серьезный страх человеку, будет преследоваться в уголовном порядке, при этом неважно, в какой форме такое поведение выражается: в словесной форме или в форме совершения определенных действий⁴¹. Такая концепция соответствует смыслу рассмотренной ранее статьи британского 4 Акта об общественном порядке 1986 года.

По мнению профессора Лоренса, если применять прецедент *Chaplinsky* на современный манер, то не будут защищаться Первой Поправкой только те слова, которые имеют целью вызвать страх нанесения вреда адресату сообщения или реально его вызывают, при этом слова, оскорбляющие чувства адресата, не подпадают под категорию воинственных слов, т.е. они будут защищаться Первой Поправкой⁴².

В этом смысле американский суд в деле *Cantwell v. Connecticut*⁴³ объяснил, что конституционные гарантии свободы слова не распространяются на оскверняющие, неприличные, бранные замечания, направленные в отношении личности слушателя, которые могут спровоцировать насилие или нарушение правопорядка. Такое обращение к эпитетам или личному оскорблению не является в общем смысле сообщением информации или мнения, защищаемых Первой Поправкой. В то же время в деле *Lewis v. New Orleans*⁴⁴ было заявлено, что даже оскорбительные эпитеты могут не являться воинственными словами, если

отсутствовала «драка» - то есть только реальная угроза возникновения насилия или беспорядка может квалифицировать слова как «воинственные».

Таким образом, в отличие от британского, американский подход сводится к тому, что правонарушение будет признано при соблюдении дополнительных условий: слова должны быть направлены на личность слушателя и должна существовать реальная угроза возникновения насилия или беспорядка. Например, в США протестующий может использовать оскорбительные слова против полицейского и не будет обвинен в нарушении общественного порядка, ведь полиция сама не станет нарушать общественный порядок, при этом полицейские обучены быть толерантными к устным провокациям⁴⁵. В Великобритании же, напротив, человек может быть осужден за оскорбление полицейского вследствие возможного нарушения правопорядка⁴⁶.

3. Запрет богохульства как формы разжигания религиозной ненависти

Существует еще одна разновидность речи, которая может спровоцировать разжигание ненависти и беспорядков, – это богохульство. Она издавна считалась преступлением по обычному праву Великобритании, но за последнее столетие обвинений в совершении такого правонарушения было немного. Богохульство изначально относилось к надругательству только над христианской религией, остальные религии упускались из виду, в том числе такие традиционные религии, как мусульманство и буддизм.

По общему праву о запрете богохульства простая критика религии не считается правонарушением – именно от манеры, в которой эта критика выражена, будет зависеть, виновен ли человек в богохульстве или нет. Присяжные могут вынести обвинительный приговор, если тон и смысл слов является оскорбительным, унижающим или высмеивающим религию⁴⁷. Субъективная сторона преступления не является сложной для доказательства: необходимо только показать, что ответчик намеревался опубликовать материал, признанный богохульным, при этом намерения ответчика что-либо донести этим материалом не

будут иметь никакого значения для состава преступления⁴⁸.

Однако состав преступления богохульства, характерный для общего права, был несколько видоизменен в связи с внесением изменений и дополнений в Акт об общественном порядке 1986 года.

Стоит вспомнить, что до принятия изменений этот акт предусматривал лишь правонарушения, наказывающие за подстрекательство к расовой ненависти, которые не касались религиозных групп. Богохульство же по общему праву относилось только к христианской религии, оставляя остальные религии и верования без внимания, поэтому представители остальных религий, таких как буддизм или мусульманство (в отличие, например, от евреев и сикхов, которые могут попадать по защиту законов, защищающих от расовой ненависти), оставались незащищенными. Внесенные изменения в Акт об общественном порядке 1986 года признают правонарушением подстрекательство к религиозной ненависти.

Закрепление правовых норм о запрете к подстрекательству к религиозной ненависти Акта 1986 года во многом схоже с закреплением положений о запрете к подстрекательству к расовой ненависти, хотя и существуют некоторые различия. Когда речь идет о запрете к подстрекательству к религиозной ненависти, используемые слова могут носить только «угрожающий», но не «бранный или оскорбительный» характер, что собственно характерно и для правонарушения о разжигании расовой ненависти. Одно из основных отличий также состоит в том, что в правонарушениях о разжигании религиозной ненависти обязательно требуется доказывать прямой умысел. В этом смысле такие положения отличаются и от упомянутого выше общего права о богохульстве. Поэтому можно говорить о том, что эти нормы больше отражают требования свободы слова.

Однако и здесь существуют некоторые сложности. Во-первых, довольно сложно идентифицировать материальную сторону соотношения понятий «угрожающий» и «могущий спровоцировать религиозную ненависть». Во-вторых, не вполне ясно содержание понятия «религиозный», потому что под это понятие

могут подпадать не только традиционные религии, но и различные верования и даже секты. В таком виде любые нападки на представителей и руководителей даже незаконных сект могут попасть под это понятие. Сложность регулирования речи, вызывающей именно религиозную ненависть, состоит в том, что религиозная группа сложно определяема и часто зависит от собственного выбора человека, в отличие от той же расовой, этнической или национальной группы.

Определенные затруднения вызывает также определение «ненависти»: очень часто сложно отличить саму по себе «ненависть» от острой и открытой дискуссии на религиозные и другие темы о моральности того или иного поведения и равенстве⁴⁹. Хотя в этом смысле при включении новых статей в Акт 1986 года законодатель постарался учесть требования свободы слова и Акта о правах человека 1998, включив в Акт специальную статью о защите свободы слова (статья 29 J). Она устанавливает, что ничто не может трактоваться Актом, как запрещение или ограничение дискуссии, критики или выражения антипатии, недовольства, высмеивания или оскорбления какой-либо религии или верования. Таким образом, будут караться только угрожающие слова, ставящие целью разжигание религиозной ненависти, а бранные, оскорбительные или высмеивающие слова – нет. Стоит также отметить, что упомянутая статья относится только к правонарушениям о разжигании религиозной, но не расовой ненависти.

Высмеивание религии или верования, хотя и не является политической речью, может все же быть частью общественной дискуссии об организации и культуре общества или являться формой протеста против доминирующей религии. Поэтому в США суды защищают право каждого лица на выражение протеста против церкви и других религиозных групп. Так, суд США снова предпочел индивидуальные права групповым правам в деле *Cantwell v. Connecticut*⁵⁰: суд отказался признать виновным члена религиозного течения Свидетели Иеговы в нарушении порядка за неприличные и оскорбительные замечания в адрес католиков на улице, потому что они, хотя и были оскорбительными, но не представляли угрозу возникновения насилия

и не являлись личным оскорблением отдельных лиц. Поэтому преступление богохульства не было признано конституционным в США.

Таким образом, анализ законодательства и правоприменительной практики США и Великобритании показал, что существует три подхода к регулированию враждебной речи. Первый подход сводится к регулированию только такой речи, которая либо прямо подстрекает к совершению насилия, беспорядка или преступлений, либо является прямым оскорблением отдельного человека. Такой подход больше характерен для США. Второй подход принимает во внимание

важность защиты правопорядка. При использовании второго подхода ограничению подлежит только такая враждебная речь, которая может привести к беспорядкам. Данного подхода придерживаются в основном суды Великобритании. Третий подход основывается на намерении самого оратора вызвать беспорядки и насилие и на существовании возможности их реального вызова⁵¹. Такой подход видится наиболее перспективным и подходящим с точки зрения учета интереса защиты свободы слова и интересов государства и общества в поддержании общественного порядка.

PROHIBITION AGAINST INCITEMENT OF RELIGIOUS, RACIAL HATRED OR VIOLENCE AS RESTRICTION OF FREEDOM OF SPEECH IN THE INTERESTS OF LAW AND ORDER IN THE LEGAL SYSTEMS OF THE UK AND THE USA

Incitement of racial and religious hatred or violence may provoke public disorder and therefore should be regulated by legislation. However, protection of freedom of speech which ensures free expression and dissemination of views and opinions should not be ignored. This paper explores the issue of restricting the right to freedom of expression and dissemination of ideas which may incite hatred or provoke violence using the legal regulation of hostile

speech in the UK and the USA as an example. The paper analyses the US court practice regarding the restriction of hostile speech which provokes violence and disorder or appears insulting towards a particular individual.

N. Perova,
Research student, Department of
Constitutional Law, MGIMO (University)
under the Ministry for Foreign Affairs of
Russia

Ключевые слова:

свобода слова; свобода самовыражения; запрет призывов к религиозной ненависти; запрет призывов к расовой ненависти; запрет призывов к насилию; охрана общественного правопорядка; враждебная речь; конституционные права и свободы; ограничения прав и свобод.

Keywords:

freedom of speech; freedom of expression; prohibition against incitement of religious hatred; prohibition against incitement of racial hatred; prohibition against incitement of violence; enforcement of public order; hostile speech; constitutional rights and freedoms; restrictions of rights and freedoms.

Литература:

- ¹ Федотов М.А. Право массовой информации в Российской Федерации. М., 2002. С. 531.
- ² Barendt E. Freedom of Speech. Oxford, 2005. P. 172.
- ³ Ibid. P. 175.
- ⁴ Ibid.
- ⁵ Акт об общественном порядке 1986 г. Часть 17.
- ⁶ Cucereanu D. Aspects of regulating freedom of expression on the internet. Antwerpen, 2008. P. 35.
- ⁷ Brutus v. Cozens [1972] All ER 1297, 1300.
- ⁸ Jordan v. Burgoyne [1963] 2 QB 744.

⁹ См.: например, статьи 18 и 19 Акта об общественном порядке, п. 1(b), см. также Bosma H. Freedom of Expression in England and under the ECHR: in Search of a Common Ground. A Foundation for the Application of the Human Rights Act 1998 in English Law. Antwerpen, 2000. P. 120.

¹⁰ Barendt E. Freedom of Speech. Oxford, 2005. P. 179.

¹¹ Jaconelli J. Defences to speech crimes // European Human Rights Law Review. 2007. 1. P. 36.

¹² Статья 4 (1) Акта об общественных отношениях 1986 года.

¹³ См.: Brandenburg v. Ohio 395 US 444 (1969).

¹⁴ Акт об общественном порядке. ст. 5.

¹⁵ Статья 5. п. 4 Акта об общественных отношениях 1986 года.

¹⁶ Hammond v. DPP [2004] EWHC 69 (Admin).

¹⁷ Weinstein J. Extreme speech, public order, and democracy: lessons from the masses // Hare I., Weinstein J. Extreme speech and democracy. Oxford, 2009. P. 33.

¹⁸ Ibid. P. 37.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Hunt A. Criminal prohibitions on direct and indirect encouragement of terrorism // Criminal Law Review. 2007. Jun. P. 443.

²¹ Barendt E. The Terrorism Act 2006 // Hare I., Weinstein J. Extreme speech and democracy. Oxford, 2009. P. 445.

²² Ibid. P. 453.

²³ Ibid.

²⁴ Barendt E. Freedom of Speech. Oxford, 2005. P. 172.

²⁵ Heyman S.J. Hate speech, public discourse, and the first amendment // Hare I., Weinstein J. Extreme speech and democracy. Oxford, 2009. P. 181.

²⁶ Barendt E. Freedom of Speech. Oxford, 2005. P. 172; See: Weinstein J. Hate speech, pornography, and the radical attack on free speech doctrine. Boulder, 1999.

²⁷ Ibid. P. 183.

²⁸ United States v. Eichman 496 US 310, 110 S. Ct. 2404, 2409-10 (1990).

²⁹ Weinstein J. Extreme speech, public order, and democracy: lessons from the masses // Hare I., Weinstein J. Extreme speech and democracy. Oxford, 2009. P. 55.

³⁰ Ibid. P. 57.

³¹ См.: Chaplinsky v. New Hampshire 315 US 568 (1942).

³² Brandenburg v. Ohio, 395 US 444 (1969), 447.

³³ R. A. C. v. City of St. Paul 505 U.S. 377 (1992)

³⁴ Barendt E. Freedom of Speech. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 185.

³⁵ Virginia v. Black et al 155 L Ed 2d 535 (2003).

³⁶ Cohen v. California 403 US 15 (1971).

³⁷ Street v. New York 394 US 576 (1969).

³⁸ Texas v. Johnson 491 US 397 (1989).

³⁹ См.: Chaplinsky v. New Hampshire 315 US 568 (1942).

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ Lawrence F.M. Violence-conducive speech: punishable verbal assault or protected political speech? // Kretzmer D., Hazan F.K. Freedom of Speech and Incitement Against Democracy. The Hague: Kluwer Law International, 2000. P. 24.

⁴² Ibid. P. 30.

⁴³ Cantwell v. Connecticut 310 US 296 (1940), 309-310.

⁴⁴ Lewis v. New Orleans 415 US 130 (1974).

⁴⁵ Gooding v. Wilson 405 US 518 (1972).

⁴⁶ Simcock v. Rhodes (1977) 66 Cr App Rep 192.

⁴⁷ См. R v. Hetherington (1840) 4 St Tr NS 563, 590-591.

⁴⁸ R v. Lemon [1979] AC 617.

⁴⁹ Leigh I. Hatred, sexual orientation, free speech and religious liberty // Ecclesiastical Law Journal. 2008. 10 (3). P. 341.

⁵⁰ Cantwell v. Connecticut 310 US 296 (1940).

⁵¹ Barendt E. Freedom of Speech. Oxford, 2005. P. 293-294.